

ДИАЛЕКТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ А. АССМАН

Историческая память является важнейшим элементом культуры, выступая основой для создания ценностей, смыслов и их транслятором будущим поколениям. Она не представляет собой нечто неизменное и застывшее, напротив, она динамична, т.е. обладает диалектической природой. Для раскрытия диалектической природы исторической памяти целесообразно обратиться к концепции немецкого историка и культуролога Алейды Ассман. Память – это не просто совокупность воспоминаний, а пространство, в котором только и возможно осуществление меморативных актов. Соответственно, память и история не находятся в оппозиции друг к другу, напротив, воспоминания осуществляются в пространстве напряжения между двумя полюсами: субъективным опытом и культурной коммеморацией. Такое напряжение проявляется на трех уровнях исторической памяти: коммуникативной, коллективной и культурной памяти. При этом важно отметить, что вне социального взаимодействия, в социальном вакууме одинокой человек не может обладать памятью, т.к. воспоминания проявляются и оформляются только в процессе коммуникации с другими людьми; т.е. память связана с языком и вне языка ее нет, что не отрицает возможность невербальных воспоминаний.

Коммуникативная память субъективна и выступает связью нескольких поколений. Коллективная память – это транспоколенческая, социальная, долговременная память общества. Картография этого типа памяти более сложная, чем коммуникативной: она представляет собой пространство напряженности между позициями «победители и побежденные», «жертвы и преступники». Коллективная память функционально двойственна: с одной стороны, она выступает инструментом для интеграции нации, ее единения, с другой стороны, она взрывоопасна, т.к. придает историческому воспоминанию «прочность идеологического фундамента», который при смене политических элит может превратиться в пространство насилия (например, современные «мемориальные войны»).

Метатеоретическим уровнем коммуникативной и коллективной памяти выступает, согласно мысли, А. Ассман, культурная память, включающая в свое содержание весь комплекс наследия символический форм. Культурная память не только связывает поколения и вклю-

чает в процесс коммуникации с прошлым, она делает сообщество историчным, творящим настоящее и будущее из прошлого.

Сутью диалектической природы исторической памяти, проявляющейся на всех трех уровнях, является специфика ее осуществления в пространстве скрещивания памятования и забвения. Анализируя приведенные немецкой исследовательницей различные типы забвения и их техники [1, с. 14–20], целесообразно обратить внимание на значимые для исследования исторической памяти, исходя из динамики исторической памяти между каноном и архивом. Например, «сберегающее забвение» является условием вхождения в архив в отличие от канона как функциональной памяти общества, который осваивается каждым поколением заново. Архив содержит следы и реликты прошлого, не являющиеся содержанием активной исторической памяти. Задача сберегающего забвения как основы архива заключается в том, чтобы «обеспечить предпосылки для того, чтобы в будущем говорили о настоящем, когда настоящее само делается прошлым» [1, с. 35]. Другими словами, сберегающее забвение является своеобразным «залом ожидания истории».

Другой пример связан с «селективным забвением», выступающим для памяти фильтром и отбирающим только то, что обладает значимостью для идентичности и памятования. Такая функция забвения, с точки зрения А. Ассман, значима для экономики памяти и ее селективных критериев. Ссылаясь на идеи немецкого философа Ф Ницше об истории и памяти, немецкая исследовательница подметила и другую особенность селективного забвения, связанную с моральными аспектами: «когда необходимо сохранить собственное лицо, на помощь гордости приходит забвение» [1, с. 41].

Такой тип забвения позволяет человеку надеяться на прощение, что открывает возможность для активной социальной деятельности. Вместе с тем, существование селективного забвения свидетельствует о том, что только то, что помещено в определенные рамки, получает социальное признание и фиксируется в памяти. «Пока для истории и событий нет рамок памяти, они остаются неслышанными. Им не уделяют внимания и не придают значения... Только через изменение рамок памяти общество может воспринять отторгавшееся раньше воспоминание.» [А, с. 43]. В диалектическом единстве исторической памяти и селективного забвения раскрываются возможности для осуществления мемориальной политики.

А. Ассман особое внимание уделяет «карающему» и «репрессивному» забвению, осуществляющемуся путем символического уничтожения противника, подвергнутого опале [1, с. 44]. Такое забвение тож-

дественно стиранию имени человека, поэтому оно может быть расценено как тяжелейшее наказание. Репрессивное забвение парадоксально: оно вызывает повышенный интерес к человеку, который должен быть вычеркнут из памяти. Для того чтобы продемонстрировать специфику перформативного противоречия этого типа забвения, А. Ассман ссылается на роман Дж. Оруэлла «1984», в котором показано как посредством репрессивного, деструктивного забвения совершается фальсификация истории ради того, чтобы легитимировать и упрочить власть.

Цель такого забвения – остановить историю, упрочить власть настоящего через его политизацию. Для достижения этой цели репрессивное забвение реализуется посредством переписывания истории, уничтожение памятников, подмену понятий. Поэтому это забвение правомерно отождествить со структурным насилием, подразумевающим скрытые формы цензуры, работающие через ограничение доступа к общественным и культурным ресурсам, т.е. создаются ситуацию, при которой одни голоса слышны, а другие нет.

В отличие от репрессивного, «конструктивное» забвение имеет своей целью придать человеку сил и мужества снова и снова противостоять негативным обстоятельствам несмотря на разочарование или отчаяние. Такой тип забвения направлен на преодоление страданий и утрат и «является основой для интеллектуальных инноваций, для изменения идентичности и для новых политических начинаний» [1, с. 52]. Созвучным конструктивному является «терапевтическое забвение», дающее возможность оставить бремя прошлого позади с помощью покаяния и признания вины.

Таким образом, историческая память действительна только в диалектической связке с забвением (как единство и борьба противоположностей). Забвение не позволяет памяти превратиться в монументальную неизменность, а память наделяет забвение творческим импульсом: стремлением не забыть то, что забывается. Диалектическая взаимосвязь исторической памяти и забвения – это творческий процесс, открывающий для человека возможность быть причастным традиции и судьбе своего народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман, А. Забвение истории – одержимость историей / Алейда Ассман; сост., пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 552 с.